

Стихотворения 1998-1999

16+

Леонид Машинский

Леонид Машинский
Стихотворения 1998-1999 гг.

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Машинский Л. А.

Стихотворения 1998-1999 гг. / Л. А. Машинский — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Этот период для меня был во многом переломным. В свадебном путешествии при зловещих обстоятельствах погиб мой брат вместе с молодой женой. Об общем кризисе можно и не напоминать. Часть из представленных здесь текстов чуть в более позднее время была отобрана редактором О.Ермолаевой для публикации в журнале "Знамя". Публикация та так и не состоялась, а те свои стихи я считал утраченными, пока - по счастливой случайности - недавно не обнаружил у себя их копию. Для оформления обложки использована картина Натальи Дудиной "Экологические страдания".

© Машинский Л. А., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Два отрывка

1

Я изливал свои печали
Собакам, кошкам визави,
И все животные молчали
Как соучастники любви.

2

Твой телефон твержу как «Отче наш»
Я в воздухе рисую цифры пальцем,
И записная книжка – антураж
К той пьесе, где являюсь я страдальцем,

Нет, страстотерпцем, нет, злодеем, нет,
Игрушкой судьбы...

Тишина

Как много грубости. Как мелочно скушны
Обычные людские разговоры.
Не лучше ли послушать тишины
Концерт? Какие тонкие узоры

По воздуху выводит дирижер
Волшебной палочкой! Как нежно плачет скрипка,
Не видимая ныне из-за гор
Домов и облаков! Гудят машины липко,

Грохочет, как вагон, магнитофон
В машине или что-то поновее,
Но громко. А вокруг, со всех сторон, -
Лик тишины, *лик* панацеи.

Впереди – небо

Земля, асфальт, сырые тени.
Весна справляет свой канун.
Считаю липкие ступени
Апрельских тополиных струн.

А вот и ночь. И звёзды стали
Над этим миром виз-а-ви.
Я говорю в пустые дали
О красоте своей любви.

И я не требую ответа.

Ответ – во всём, ответ – в груди
Как сердце бьётся. Нет секрета -
Одно лишь небо впереди.

Г. Лукомникову

Мне не хочется лаяться с тем, что не создано мной.
Пусть оценит Господь меркой вечности наши творенья.
Я готов повернуться ко всем этим бредням спиной,
Мне плевать на прогресс, я хочу заглядеться в коренья.

Сяду я на тропинке, где не ходит ни один идиот,
И спою свою песенку старому дубу.
Если ж кто-то с мечём ко мне всё же придёт,
То с мячом и уйдёт – мне не хочется действовать грубо.

Над остатками времени всходит луна.
Одинокие вепри и волки выходят поссать на дорогу.
И из слов, которые сказаны на все времена,
Для плаката подходят только слова «Слава Богу!»

Предвесеннее

Томные дни предвесенья настали,
День – как желток в хрустале.
Не было б счастья, так и печали
Не было бы на земле.

Выйдем из дома вечером синим –
Воздух тревожен на вкус,
А переулки подобны пустыням.
Вроде светящихся бус,

Тлеют фонарики в дали туманной.
Сердце куда-то вперёд
Хочет, трепещет, к цели желанной
Нетерпеливо ведёт.

Рвётся из тела сердце слепое –
Ищет весну в темноте.
Лёд осыпается с луж скорлупою.
В луже – вода в наготе.

Всё обнажённое требует ласки,
Требует рук и тепла.
Чувства простые сбросили маски –
Хором «была не была!»

Чувства сказали и побежали,

Сердцем ведомые, в лес,
Где только хлѣсткие ветви печали
Над мѣртвым снегом чудес.

Две мысли

Весна грызѣт хребет зиме,
Две мысли на моем уме:

Одна о том, что я влюблѣн,
Другая мысль, не мысль, а сон;

И этот сон про жизнь в миру,
Про то, что скоро я умру;

Про то, что дверь открыта в ночь,
Про то, что сколько мысли прочь

С ума-наседа не гони,
Вернутся заново они –

Взлетят и сядут начеку;
Спишь, спишь и вдруг: «Кукареку!»

Гусь

Не стало веры, и не стало сил.
Я должен что-то сделать, но не знаю,
Что сделать. Я у Господа просил
Понятѣ к долгу, словно булку к чаю.

Но сон мои молитвы разбивал
Как паралич, чудесные картины
Вокруг меня как стены воздвигал.
И весь я – точно в клочьях паутины –

Опутанный. Едва-едва шаги
Свои вершу и путь почти не вижу
Сквозь пряжу сна. И не могу ноги
Поставить на сухое – прямо в жижу

Я наступаю, на' бок я валюсь
И чертыхаюсь... Господи! Ну сделай,
Чтоб выплыл из страданий я как гусь –
Почти сухой и абсолютно белый!

Весеннее небо

Вновь берѣзы – в весеннем полѣте,

Снова небо – как мокрый тампон.
И опять на немислимой ноте
Распевает любовь свой канон.

И как воин, устав от сражений,
От бессмысленно долгой войны,
Я, почти без лица выражения,
Созерцаю просторы весны.

Знаю точно: что будет, то будет,
И заранее тихо грущу -
Потому что, как сердце ни любит,
Я любовь в облака отпущу.

Потому что – страшиться потери
Просто глупо в подножьи Творца.
Потому что – распахнуты двери
Бесконечного чудо-дворца,

И прекрасны его анфилады,
Но узоры на них не ясны...
Всё, конечно же, будет *как надо* –
Но глаза мои небом грустны.

Мне кажется, любовь моя прошла.
И что с того? Унынье мне по силам.
Увы, я не бескровная скала –
Густая кровь течёт по тёмным жилам.

Я должен бы тебе сказать «прощай»,
Но сделать это мне совсем непросто.
Я лучше так скажу: Ты навещай
Меня хоть иногда, пока погоста

Я не достиг в своем земном пути.
Я буду рад, коль скоро ты однажды
Захочешь со смирением прийти
Ко мне, пока не умер я от жажды.

Нереальность

Всё и старо и по-новому,
И знакомо, и ничуть ...
По' бору брожу еловому,
Наполняю ветром грудь.

За свободу окаянную

Плату отдал я сполна;
Эту грусть, сырую, странную,
Пью и чувствую: весна!

С нами, смертными. случается
Много странного в пути;
Но причины, чтоб отчаяться, -
В целом свете не найти.

То, что явью называется,
Я готов принять всерьёз -
Но уж слишком улыбается
Сердце рощице берёз.

Слишком слёзы эти жгучие
Горьковато-солёны...
Всё, чем я себя так мучаю,
Вероятно, только сны.

Весна в Краснодаре

Цветёт миндаль и абрикосы -
Беспечно розов каждый сад;
Берёзы распустили косы –
Серёжки до' полу висят.

Трава проснулась на газоне –
Фиалки нежные в цвету;
И хочется застыть в поклоне,
Молясь на эту красоту.

Уже разжал каштан щепотки,
Уже платан набух листвой;
И пыль у ветра из-под плётки
Летит над тёплой мостовой.

Цветут невзрачные мокрицы;
И, выйдя словно на парад,
Прелестницы пестрят, как птицы,
И сладко сердце бередают.

Апрельский снег

Снег выпал и уснул у города на дне,
Хотя уже апрель за середину
Перевалил. И очень грустно мне
Смотреть на эту снежную равнину.

Любви моей остыли острова,

Тропическая зелень стала бурой,
Усохнув. И набита голова
Не вдохновеньем, а макулатурой.

Я снег апрельский пробую на вкус,
И он такой же пресный, как зимою.
Разлуки я всю жизнь мотал на ус,
И вот – усы в снегу безвкусном мою.

На солнце не заметна боль моя -
Изъяны сердца скрыты белизною;
И ослеплённый, сам не помню я –
Была иль нет дорога за спиною.

Физика

Ну вот, ещё один эксперимент
Поставлен, и меня не утешает
Ответ. Но может всё-таки момент
Текущий нечто важное решает?

Бездействие чревато новизной.
Весна звенит, лиясь в пустую тару...
Что происходит на земле со мной?
Что заслужил я – радость или кару?

Мне сны не отвечают на вопрос,
Толкуя в сотый раз пережитое.
Как тут поверить, что весна всерьёз
И полное ведро не есть пустое?

Ах, в физике так много тёмных мест!
И парадоксы – глубоки как тени...
Вот так вбегаешь сослепу в подъезд
И... разбиваешь рожу о ступени.

Престарелая юность

На лбу морщины резче проступили –
Уже не мальчик, да – увы, увы!
Но хочется, чтоб всё-таки любили
Владельца этой лысой головы.

Но хочется ещё – весны безумной,
Телесных нег и лепестковых выюг...
Ах, с этой круговерти, скушной, шумной,
Я ощущаю нежность как недуг.

Усталой и больной, ей нет ответа,

С *ней* юность горделиво холодна.
Но хочется мне верить, что поэта
Ещё дожётся дева у окна.

Я вижу эту светлую улыбку,
Секунду узнавания как век
В себе лелею – пусть впаду в ошибку! -
В конце концов я – только человек.

Жизнь каким-то образом идёт.
Как? Куда? Кому какое дело?
Жизнь давно живущим надоела,
Но существование влечет
По привычке в будущее тело.

Я смотрю на этот хоровод,
И в глазах рябит, и тошно сердцу.
Жизнь каким-то образом идёт,
Жизнь уходит за окно, за дверцу,
Жизнь каким-то образом идёт.

Мне суждено себя избыть в миру.
Вот, как ветла, стою я на юру
И плачу, плачу, ветками скребя
По той земле, где не найду себя.

О Господи! Пошли звезду-полюнь
На дно зловонных мусорных пустынь!
Пошли, испепели – пускай умрёт
Со мною вместе этот гнусный род!

Одна любовь, как хилый уголёк,
Всё тлеет, тлеет... Боже, как далёк,
Как близок Ты! Как страшен Твой укор!
Как милостив Ты к падшим до сих пор!

Вращение

Я Логосом сломаю эту дрянь –
Как фомкой перержавленный замок.
Я – тот наждак, что стачивает грань,
В дугу преображая уголок.

– Всем вам со мною вместе не в дугу, –
Я говорю и другу и врагу –

Я по дуге стремительно бегу
И всё ж из круга выйти не могу.

С точила улететь не в силах я
Как искра. Жизнь беспутная моя
Посажена на ось – меня Господь
Кружит, кружит, испытывая плоть.

Он отделяет грешные пласты
Души – кружусь, кружусь – до чистоты!

Подражание И. Бродскому

Правда ли, нет ли, а скоро придется «ту-ту!» –
Каким-то образом отбывать в неземное.
Сохранить своё Я лелею мечту,
Но вдруг Я не я, а что-то иное?

Погода являет строптивость. Но в общем, к теплу
События движутся. А я вот дрожу перед Богом:
Ведь мало того, что плоть обратится в золу, -
Всё это, быть может, является только прологом.

Неоткрытая книга, обложка, лазурные жалюзи дня,
Шторки, шоры движения в общем весеннем тумане...
Властной, мудрой рукой что-то лепится из меня:
То ли твёрдый кристалл, то ли соль – для воды в океане.

Пустой орех

Стихи, как золотая пыль,
Ложатся на металл сознания.
Без ликованья и страданья
Осознаю себя как быть.

И тут же – сознаю, что я
Всего лишь сон, – настолько чуждый
Всему, в чём явь имеет нужды, –
Что тёмный лепет бытия

Мне кажется лишённым всех
Возможных смыслов и значений...
Так наплаву, в плену течений,
Пустой вращается орех.

Лейся, песня!

Вновь в ночи узнаю
Дробный щёлк соловья –

Словно песню мою –
Лейся песня моя!

Как мне сладок твой свист,
Полуночный артист!
Как легка ветерка
В тёмной купе рука!

Влажен, розов, душист
Твой полуночный свист! –
Без усилий сейчас
Песня льётся из нас.

Рождение

Моя жена и я – мы *оба* в этом мире,
Дрожащие одной связующей струной.
Витают торжество в неубранной квартире –
Мы счастливы с моей беременной женой.

Сегодня я везу её туда, где роды –
По новым городским традициям людей –
Должны происходить. В немилость у погоды
Некстати впал наш край – чреда последних дней

Томила нас дождём и зябкою прохладой;
Такой холодный май – досада для костей.
Нависли облака тяжёлою армадой –
Свинцовой темнотой над городом людей.

...И нежность горло мне бечёвкою сдавила,
И слёзы я держал у края тесных век,
Как гири на весу. И ласковая сила
Вела меня с женой по дну асфальтных рек;

По мусору цветов древесных, по блестящим
И чёрным лужам. Тих бы город за спиной -
В ненастный выходной он был ненастоящим,
Пугая нас пустой и гулкой тишиной.

И в слабости своей – я обращался к Богу,
Молясь о той, кто есть и том, кто может быть;
И мы – почти легко – проделали дорогу
Туда, где без меня должно происходить

Дальнейшее... Со мной простилась ты у двери,
Спокойна, весела. И сутки начеку
Провел я; а потом – прочёл, ещё не веря,
О дочери моей короткую строку.

Зелёное пространство

Влажные дни и тяжёлые, влажные кроны.
Улица пахнет недавно зацветшею липой.
Гнутся в подковы и знаки вопросов законы,
Листья шуршат над мозгами бесформенной кипой.

Мокрая нега проникла в аорты и кости,
Все закрывают глаза, озираясь ноздрями.
Люди идут улыбаясь – с бутылками в гости,
Небо слезится теплом и скупыми дождями.

Страх потеряться в пространстве зелёных овалов
Вдруг отступает, и хочется просто раскрыться –
Словно бутону – и над крестами кварталов
Просто подняться – как будто ты вольная птица.

Щебет и шелест и гулкие капли, по носу
Мягко ползущие. Мокрая пыль на ступенях,
В мокрых разводах колонны. И серо-белёсый
Свод над тобою, и лёгкая слабость в коленях.

На мостовой – тополиного пуха остатки,
И, отпустившие вожжи рассудка, ладони разжаты -
Ибо в пространстве зелёных овалов иные порядки,
Там бесполезны дискуссии, споры, дебаты.

Словно по веткам скитаются тёплые губы -
Ветки в мазках красноватых нестойкой помады,
Ветки воздеты над миром, как бивни и трубы –
Трубы трубят о победе зелёной Армады.

Ибо – стена городская стара и трухлява –
Не замечая её, я насквозь прохожу три района.
Ибо – стрижей, муравьёв и детишек орава –
Сверху, внизу и на среднем сечении газона.

Вдруг из-за ёлки мне в ухо кукует кукушка.
Воздух, пресыщенный влагой, – певуч как гитара.
Я взлетаю, и зелень мягка как подушка,
И подо мною – пласты тёмно-белого пара.

Пусть в лабиринте моё посянется тело –
Знать ничего не хочу, кроме тени душистой.
В лес ароматов войду безмятежно и смело,
И растворюсь в высоте, напряжённой и чистой.

Пусть упадёт лепестком позабытое эго,

Камня на камне нельзя оставлять от сознания.
Только побег – без оглядки, – а после разбега –
Долгий прыжок и полёт через бездны молчанья.

Голубая юла

В старой новой Москве долгожданное лето,
И готовятся выкинуть пух тополя.
Тихо кружит волчком по вселенной планета,
Голубая юла под названием «Земля».

Вкрут неё – пояса из воздушных спиралей,
Выкрутасы погоды, снегов и дождей.
Нам погода несёт ворох странных печалей
Или радость дари'т от щедро'ты своей.

В переулке стоит терпкий дух тополиный,
Воздух вкусный с собой в кулаке унесу.
Мне расстаться пора с первой половиной
Этой жизни. Созрела трава под косу.

Будут звонкие дни, будет жаркое лето,
И, под солнцем горя, пожелтеют поля.
Всё своим чередом – ибо кружит планета,
Голубая юла под названием «Земля».

Луна и выпивка

Неполную буквою «Р»
Прорезался месяц над домом.
Я еду к хорошим знакомым –
Чтоб выпить винца, например, –

А может быть, выпить чайку, –
Но выпить чего-нибудь – точно.
По улице тёмной теку,
По улице тёмной, где сочно

Безумные фары горят,
Слепящие, яркие фары.
И нет мне дороги назад -
Меня одурманили чары

Молоденькой тонкой луны,
И в обществе выпить мне надо -
Хотя бы змеиного яда,
Хотя бы паучьей слюны...

Попытка подняться

Я в кузнице дремучей суеты
По воле чёрта делаюсь шурупом.
Глаза мои устали и пусты,
Я думаю о грязном и о глупом,

А не о главном. Главное моё
По воле чёрта стало непонятно
Мне самому, и разное враньё
На мне растёт как плесень. Эти пятна

Цветут и пахнут. Я хочу опять
Пошевелить затёкшею душою,
Стряхнуть с себя могильных гномов рать
И – вопреки суетам – на Большое

Движение решиться. Знаю: ждёт
Ещё меня прекрасная дорога.
Дорога, на которой чёрт не в счёт, –
Где каждый шаг творим по воле Бога.

Вечерние птицы

Вечереет слегка. Уж ложится роса.
Из зелёных шатров лёгких птиц голоса
Рассыпаются блёстками. Воздух сырой –
Как гитара – звенит музыкальной игрой.

Лёгких птиц силуэты свистят поперёк
Человеческих длинных железных дорог.
И в порхании дробном – настой тишины
Колыхается, как надо мглой глубины.

То ли в небо смотрю, то ли в омут зари.
Птица, выше пари! Солнце, ярче гори!
Ароматы тверды, словно горсть хрусталя.
Ощущением сна набухает земля.

Пылью трелей овейный, больше не жду
Ни награду себе, ни судьбу, ни беду.
Рот открывши, глазею, как звуки летят, –
В чистом воздухе носится весь звукоряд.

О грустном китайце

Я китаец с синими очами –
Мне глаза промыла пустота.
Я сижу безлунными ночами
На бетонном бортике моста.

Я сижу и думаю разбиться,
Но никак пока не разобьюсь.
Для меня Кейптаун – заграница,
Заграница – Африка и Русь.

Для меня – шары планет надуты
Стеклодувом Господом Творцом,
Для меня – эвенки и якуты
Балуются беленьким винцом.

Балуются, а потом горюют
О китайце, что совсем не пьёт,
Но который – лишь борей подует –
С парашюта в воду упадёт.

Гимн жаре

Воспой, о муза, торжество жары
Над нашей средней Средней Полосою!
Звенят хвоей прогретые боры
И фимиамы воздают смолою.

Над полем солнце празднует успех,
Гремя в литавры лютиковой меди.
Расколот город солнцем, как орех,
Толпа шуршит, скитается и бредит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.